

УДК 94(470+571)+(575):21

DOI: 10.36979/1694-500X-2025-25-6-22-30

ГОСУДАРСТВО И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

П.П. Литвинов

Аннотация. Рассматривается проблема государственно-церковных отношений в российских областях дореволюционной Средней Азии. Автор отмечает, что малочисленность православного населения в регионе не позволяла ему позитивно влиять на цивилизацию местного иноверного коренного населения. Учреждение Туркестанской епархии произошло позже образования регионального генерал-губернаторства. Отношения между епархиальными архиереями и властями края были напряжёнными. Сложными были их контакты с военными священниками, подчинявшимися главному священнику армии и флота, а затем протопресвитеру военно-морского духовенства. Сложная система подчинения православных приходов в Туркестане привела к передаче многих церквей края в ведение протопресвитера, однако Военное министерство не смогло содержать их и вернуло в епархиальное подчинение. Проблемным для православного населения региона был вопрос о перемещении архиерейской «кафедры» в краевой центр – Ташкент. Военные власти Туркестанского края решительно выступали против этого, в чём их поддерживали представительные органы местного самоуправления в Ташкенте и Верном. Негативное поведение архиереев было отчасти тому причиной. Таким образом, и переезд епископа так и не состоялся, вплоть до крушения царизма в России. Автор приходит к выводу о том, что государственно-церковные отношения в Туркестане не были особенностью этого региона, а отражали общеимперское их состояние.

Ключевые слова: Россия; Средняя Азия; Туркестан; государственно-церковные отношения; архиереи; военное духовенство; генерал-губернаторы.

МАМЛЕКЕТ ЖАНА ОРУС ПРАВОСЛАВ ЧИРКӨӨСҮ РЕВОЛЮЦИЯГА ЧЕЙИНКИ ОРТО АЗИЯДА

П.П. Литвинов

Аннотация. Макала Орусиядагы революцияга чейинки Орто Азиядагы мамлекеттик-чиркөө мамилелеринин көйгөйүнө арналган. Автор аймактагы православдык калктын аздыгы жергиликтүү башка улуттагы жергиликтүү калктын цивилизациясына оң таасирин тийгизбей койгонун белгилейт. Түркстан епархиясынын түзүлүшү регионалдык генерал-губернаторлуктун түзүлүшүнөн кийин болгон. Епархия епископтору менен аймактын бийликтеринин ортосундагы мамиле чыңалган. Армиянын жана флоттун башкы дин кызматчысына, андан кийин деңиз диниятчыларынын протопресвиттерине баш ийген аскер дин кызматчылары менен байланышы татаал болду. Түркстандагы православ чиркөөлөрүн баш ийдирүүнүн татаал системасы аймактын көптөгөн чиркөөлөрүн протопресвиттердин карамагына өткөрүп берген, бирок Согуш министрлиги аларды кармай албай, епархияга кайтарып берген. Аймактагы православдык калк үчүн архиердик «кафедраны» Ташкенттин аймактык борборуна көчүрүү маселеси көйгөйлүү болду. Түркстан аймагынын аскер бийлиги буга катуу каршы чыкты, муну Ташкент жана Верныйдагы жергиликтүү өз алдынча башкаруунун өкүлчүлүктүү органдары колдоду. Епископтордун терс жүрүм-туруму жарым-жартылай себеп болгон. Ошентип, епископтун көчүүсү Орусияда Падышалыктын кулашына чейин эч качан болгон эмес. Автор Түркстандагы мамлекеттик-чиркөө мамилелери бул аймактын өзгөчөлүгү эмес, алардын жалпы империялык абалын чагылдырган деген жыйынтыкка келген.

Түйүндүү сөздөр: Россия; Орто Азия; Түркстан; мамлекеттик-чиркөө мамилелери; архиерлер; аскердик дин кызматкерлери; генерал-губернаторлор.

THE STATE AND RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN PRE-REVOLUTIONARY CENTRAL ASIA

P.P. Litvinov

Abstract. The article is devoted to a problem of state-church attitudes in the Russian areas of pre-revolutionary Central Asia. The author marks, that small number of the orthodox population in region did not allow it to influence positively a civilization local belonging to different faith indigenous population. The establishment of the Turkestan diocese has occurred after formation regional the general-governorship. Attitudes between eparchial bishops and authorities of edge were strained. Their contacts to the military priests, submitted to the main priest of army and Navy, and then protopresbyter naval clergy were complex. The complex system of submission of orthodox arrivals in Turkestan has led to transfer of many churches of edge to conducting protopresbyter, however the military ministry could not contain them and has returned in eparchial submission. For the orthodox population of region, the question on moving bishop's "cathedra" in the regional center Tashkent was problem. Military authorities of Turkestan edge resolutely opposed it in what they were supported with representative bodies of local self-management in Tashkent and True. The negative behavior of bishops was partly to that the reason. Thus, and crossing of bishop and did not take place, down to wreck of tsarism in Russia. The author comes to conclusion that state-church attitudes in Turkestan were not feature of this region, and reflected generally used their condition.

Keywords: Russia; Central Asia; Turkestan; state-church attitudes; bishops; military clergy; the general-governors.

Православная религия имела статус «господствующей веры» в России, обеспеченный всем законодательством царской власти. После «духовной» реформы Петра I в начале XVIII в. Русская православная церковь утратила патриаршество и оказалась полностью в подчинении государственной власти. Вместе с тем она по-прежнему оставалась ведущей конфессией страны.

Правительство поощряло переселение православных в присоединённые регионы империи, в том числе в Среднюю Азию. Оно считало, что именно они станут носителями идей передовой российской христианской цивилизации среди мусульманского населения Туркестана. В 1868 г. численность православных в регионе достигала 20 тысяч человек, причём 3/4 из них приходилось на Семиречье [1]. Такое неравномерное расселение православных сохранялось и в последующем. В начале XX в. из 180 тысяч православных около 110 тысяч жили в Семиреченской области [2].

Доля православного населения среди всех жителей Туркестанского края повсеместно была незначительной. Так, по данным Всероссийской переписи 1897 г., она составляла: в Семиреченской области – 9,79 % (от 987.863 человек); в Сырдарьинской – 2,86 % (1.478.398 человек); в Ферганской – 0,63 % (1.572.214 человек); в Самаркандской – 1,59 % (860.021 человек); в Закаспийской – 8,9 % (382.487 человек) [2]. Таким образом, малочисленность православного

населения в Средней Азии ограничивала возможности его цивилизаторского воздействия на многомиллионное мусульманское население, а также небольшую общину коренных региональных евреев-иудеев.

Первый православный приход на территории Средней Азии был открыт ещё в 1847 г. в форте Александровском, на восточном побережье Каспийского моря. Среди его прихожан числился, кстати, ссыльный «малороссийский» поэт и бунтарь Т.Г. Шевченко. В 1850–60-х гг., по мере освоения региона, православные приходы были открыты во многих других местах Средней Азии. В 1868 г. их насчитывалось уже около 30, и они делились на три «благочиния» – Заилийское, Лепсинское и Ташкентское. Почти все православные приходы Туркестана находились в то время в ведении так называемого «Главного священника армии и флота», но в связи с наличием гражданской паствы военные «пастыри» подчинялись также соответствующим епархиальным властям.

Так, восточные районы Русского Туркестана входили в состав Томской православной епархии, а западные – Оренбургской. С образованием в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства такая система подчинения священников сохранилась, что, видимо, вполне устраивало первого главного начальника края, генерал-адъютанта К.П. Кауфмана, поскольку в начале своей деятельности он не предпринимал серьёзных

шагов к его изменению. Но в последующем ряд обстоятельств заставил его обратить внимание на эту проблему.

Дореволюционная историография связывала создание самостоятельной православной епархии в Средней Азии с его именем, однако документы свидетельствуют о том, что подлинным инициатором её учреждения был военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский. Он обсуждал этот вопрос с епископом Томским и Семипалатинским Алексием ещё летом 1868 г. во время визита того в г. Верный, положительно расценившим идею губернатора.

Можно предположить, что герой присоединения Семиречья, имевший непростые отношения с Кауфманом, действовал в данном случае самостоятельно. Это подтверждает переписка Колпаковского с архиереем Алексием после перевода того на «кафедру» в Екатеринославско-Таганрогскую епархию. Кауфман через «своих» людей из окружения Семиреченского губернатора узнал о содержании этой переписки и вовремя перехватил инициативу. 17 мая 1869 г. он обратился к обер-прокурору Св. Синода Д.А. Толстому с предложением учредить в Туркестанском крае самостоятельную православную епархию, аргументируя его соображениями, позаимствованными из переписки Колпаковского с Таганрогским архиереем. Характерно, что Кауфман изначально рекомендовал обер-прокурору назначить центром новообразуемой епархии не Ташкент, а Верный, подчёркивая, что в Семиреченской области проживает большинство православного населения в Туркестане [3, л. 31 об.].

Туркестанский церковный деятель, протоиерей М. Колобов писал о том, что «первоустроитель» признавал «неудобным» устраивать рядом с собой архиерейскую власть, которая «для некультурных азиатов заслонила бы власть генерал-губернатора» [4]. Св. Синод пытался настаивать на том, чтобы «кафедра» туркестанского епископа находилась в краевом центре, но Кауфман твёрдо стоял на своём, доказывая, что пребывание архиерея в Ташкенте «породит в туземных жителях различные предположения и недоразумения», тогда как в Верном оно «будет встречено жителями с восторгом» [5, л. 3].

4 мая 1871 г. царь Александр II утвердил «Мнение» Государственного совета об учреждении в Туркестане с 1 января 1872 г. самостоятельной православной епархии [6, с. 433], а 12 ноября 1871 г. по докладу обер-прокурора Св. Синода он назначил на должность туркестанского епископа Софония, бывшего доселе «викарным» епископом Новомиргородской в Херсонской епархии. Генерал-губернатор с помощью военного министра Д.А. Милютин добился издания 26 февраля 1872 г. царского указа о назначении центром Туркестанской православной епархии г. Верного. Её учреждение трудно отнести к разряду первостепенных правительственных решений. На содержание всех епархиальных служб в год правительство выделило всего 15,6 тыс. руб., тогда как «центральные» епархии получали около 25 тыс. руб. Только 18 мая 1892 г. царь утвердил «Положение», по которому с 1 января 1893 г. содержание туркестанских епархиальных служб уравнивалось со всеми остальными. Немного внимания уделял Туркестанской епархии и Св. Синод. Впервые раздел: «Положение православия в Туркестанской епархии» появился только во «Всеподданнейшем» отчёте обер-прокурора Св. Синода за 1900 г., хотя по своим размерам Туркестанская епархия была, пожалуй, крупнейшей в России. После присоединения к ней в 1900 г. Закаспийской области площадь епархии составляла 1 684 901 кв. вёрст [7, с. 1104].

Образование Туркестанской епархии не означало полного подчинения всего православного духовенства власти архиерея. Военные священники по-прежнему сохраняли самостоятельность. Поскольку в Туркестанском военном округе не было штатной должности главного окружного священника, то его обязанности исполнял «благочинный» военных церквей Сырдарьинской области, являвшийся одновременно настоятелем Ташкентского военного Спасо-Преображенского собора. Решением от 26 июня 1872 г. Св. Синод предписал военному духовенству Туркестана отчитываться перед епархиальными властями только по вопросам, связанным с «духовным» призрением гражданской паствы, проживавшей в районах дислокации воинских частей. Но православные «капелланы»

неохотно исполняли это решение, на что указывал епископ Софоний уже в первом своем отчёте в Св. Синод о деятельности епархии в 1872 г. [8, л. 15.].

За «саботаж» подачи отчётов военными священниками епархиальный архиерей отстранил от должности «благочинного» военных церквей о. Андрея (Малова), пользовавшегося большим авторитетом не только среди своих подчинённых и военной администрации края, но и всей русской общественности Туркестана. Его уважали и представители мусульманского духовенства, с которыми он нередко встречался в частном порядке. Повествуя о недовольстве, вызванном решением Софония, газета «Церковно-общественный вестник» отмечала, что «протест туркестанского духовенства против своей новой администрации принимает уже гласный характер» [9]. Военное духовенство и в последующем нередко игнорировало распоряжения епархиального руководства. Противостояние обострилось после утверждения в июне 1890 г. нового «Положения об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств», подчинившего всё военное духовенство ведению протопресвитера военного и морского духовенства [10, с. 470–481].

Несмотря на то что, согласно статье 36-й «Положения», протопресвитер при назначении, переводе или увольнении военных «пастырей» должен был испрашивать «святительского благословения» туркестанского архиерея, он чаще всего не делал этого, оставляя за епископом лишь право утверждать уже принятые без него решения. Не изменился и характер взаимоотношений туркестанского военного духовенства с епархиальными властями. В 1910 г. епископ Димитрий писал в отчёте в Св. Синод о том, что «военные священники по-прежнему не симпатизируют епархиальному делу» [11, л. 30]. Архиерей отмечал, что военная администрация края неизменно выступала на стороне армейского духовенства, которое, по его словам, было «ей ближе».

Правительство понимало, что трения между епархиальным и военным духовенством подрывают единство православия в Средней Азии, и пыталось решить эту проблему. В 1890 г.,

после реформы управления армейскими священниками, Военное министерство предложило передать все военные приходы Туркестана в полное подчинение протопресвитеру, освободив их от любых форм «епархиальной опеки». Против этого намерения решительно выступили Св. Синод и туркестанский епископ Неофит. Могущественный обер-прокурор К.П. Победоносцев поддержал их.

Однако в 1898 г., вступив в должность военного министра, генерал А.Н. Куропаткин вновь возбудил вопрос о взаимоотношениях епархиального и военного духовенства в Средней Азии. Он указывал, что разногласия в среде православного духовенства наносят вред «русскому делу» в Туркестане. Куропаткин подчёркивал слабое материальное обеспечение епархиальных приходов и низкое качество богослужений в них. В частности, он сожалел о том, что после учреждения епархии во многих церквах были расформированы певческие хоры из военнослужащих, что не могло не снизить воздействие богослужений на паству. Аргументы военного министра были учтены, и 28 марта 1900 г. Св. Синод издал распоряжение о передаче в ведение протопресвитера военного и морского духовенства 34 туркестанских приходов.

В результате в ряде крупных населённых пунктов, таких как: Самарканд, Маргилан, Аулие-Ата, и других вообще не оказалось епархиальных церквей. Численность епархиальной паствы сократилась со 163 тыс. человек до 105 тыс. [12, с. 172]. Оценивая передачу епархиальных приходов в военное ведомство, протоиерей М. Колобов писал о том, что это «лишний раз говорит о тех недостатках или ошибках наших правителей, которые не могут быть терпимы до бесконечности» [13]. Однако победа военного ведомства над синодальным оказалась сомнительной. Бюджет Военного министерства не смог выдержать новой «нагрузки». Протопресвитер вынужден был сокращать штаты военных священников в небольших гарнизонах и госпиталях, требуя назначения на их место епархиальных. Материальное положение многих военных приходов резко ухудшилось. Особенно пострадали приходы железнодорожных церквей, которые формально находились

в ведении протопресвитера, но в основном имели дело с гражданской паствой.

«Туркестанские епархиальные ведомости» писали о том, что лишь «в нашем царстве, кажется, только и возможны такие аномалии, как состояние в военном ведомстве приходов чисто гражданского характера» [14]. В июле 1907 г. съезд священников железнодорожных церквей Туркестана принял решение просить Св. Синод о передаче их приходов в епархиальное ведение. Епископ Димитрий на его основе добился от Св. Синода передачи в ведение Туркестанской епархии таких железнодорожных приходов, как: Красноводский, Кызыл-Арватский, Асхабадский, Фарабский, Самаркандский, а также один «вагон-церковь». Добившись первого успеха, епархиальный архиерей не упустил случая развить его. Ссылаясь на ухудшение состояния военных приходов, бывших некогда епархиальными, епископ Димитрий стал настойчиво требовать возвращения их в прежнее «лоно».

Св. Синод издал 21 июля 1910 г. распоряжение о передаче в ведение Туркестанской епархии военных приходов в гг. Аулие-Ата, Туркестане, Ура-тюбе, Джизаке, Казалинске, Намангане, Коканде, Чимкенте и в станице Сергиопольской. Военная администрация Туркестанского края не поспешила исполнить это распоряжение, и в 1910 г. Штаб Туркестанского военного округа передал в епархиальное ведение только небольшой станичный приход в станице Сергиопольской. Епископу Димитрию, человеку решительному и настойчивому, пришлось «выбивать» у Военного министерства передачи остальных приходов, и к концу 1911 г. он добился своего. В 1912 г. Военное министерство, испытывавшее растущие финансовые затруднения, передало в епархиальное ведение ещё 20 своих приходов в Туркестане. Несмотря на то что Закаспийская железная дорога, находившаяся в ведении Военного министерства до 1 января 1899 года [15, с. 1090], была передана в подчинение Министерства путей сообщения, станционные приходы оставались «военными», в связи с чем туркестанскому архиерею пришлось бороться за то, чтобы поставить под свой контроль практически все принадлежавшие дороге церковные приходы, за исключением храма в «Государевом

Мургабском имении», в Байрам-Али, Закаспийской области.

Было бы ошибочным полагать, что борьба за церковные приходы в крае отражала только столкновение личных и ведомственных амбиций. Отнюдь. Вопрос прежде всего касался контроля над церковным имуществом, иногда весьма значительным. Так, например, «капитал» Георгиевской церкви в Самарканде составлял 42 тыс. руб. Внушительными были «капиталы» православных храмов в гг. Ташкенте, Чимкенте, Казалинске, Новом Маргилане, Коканде и др. [16].

Среди проблем во взаимоотношениях туркестанской администрации с епархиальным руководством основным всегда оставалось местопребывание архиерейской «кафедры», о чём уже упоминалось выше. Она находилась как бы «на отшибе» – восточной окраине подведомственных ей владений. Присоединение в 1900 г. к епархии Закаспийской области продвинуло её границы ещё на тысячу вёрст к западу. Управлять из г. Верного такой огромной территорией было затруднительно. Возможности архиереев ознакомиться с положением дел на местах сводились в основном к эпизодическим выездам в те или иные районы епархии, причём выбор последних зависел более от туркестанской администрации, нежели от самих епископов. Она окружала архиерейские путешествия множеством «протокольных» формальностей – торжественными встречами, показательными крещениями «инородцев», трапезами в «узком» кругу местного начальства и т. п., что ещё более сужало возможности туркестанских «первосвященников» изучить истинное состояние церковной жизни в крае.

Таким образом, деятельность туркестанских епископов во время объездов епархии заключалась в основном в проведении торжественных богослужений в крупных храмах и многочасовых «наставительных» беседах с местным духовенством. Поэтому большинство туркестанских архиереев имели поверхностное представление о реальном положении дел на местах и черпали информацию для своих отчётов в Св. Синод из докладов, рапортов и донесений «благочинных» церковных округов края.

Документы такого рода могли выступать в качестве правдивых источников о состоянии церковной жизни в Туркестане лишь относительно. Во-первых, церковные округа в Средней Азии своими размерами не уступали некоторым епархиям Центральной России и «благочинные», нередко часто менявшиеся, порой сами слабо знали положение дел на местах. Во-вторых, в документах, направляемых в Туркестанскую духовную консисторию, «благочинные» зачастую приукрашивали действительное положение вещей с тем, чтобы не выглядеть хуже других в глазах начальства. Вместе с тем в архивах встречаются и документы, в которых священнослужители разных рангов весьма критически оценивали положение православия в Туркестане. Нередко трезвым анализом и критикой положения дел отличались публикации «Туркестанских епархиальных ведомостей», выходивших с 1907 г. дважды в месяц. Таким образом, у архиереев были известные возможности составить объективное представление о церковной жизни в Средней Азии, но не все из них имели его, рассматривая своё пребывание в регионе как временное.

Стремясь перенести «кафедру» в Ташкент, туркестанские епископы хотели не только оказаться поближе к центру епархиальных владений с тем, чтобы эффективнее ими руководить. Архиереи не меньше желали оказаться ближе к политической «кухне» Туркестанского края с тем, чтобы влиять на решение жизненно важных проблем региона. Но не имели успеха. Более того, в 1882 г. Семиреченская область была изъята из ведения Туркестанского края и передана в состав Степного генерал-губернаторства. Таким образом, архиерейская «кафедра» в Верном оказалась на «чужой» территории, превратившись в «отрезанный ломоть» для большинства подведомственных ей приходов, оставшихся в пределах Туркестанского края.

Семиреченские областные власти стали переписываться с канцелярией Степного генерал-губернатора, которую чужие церковные проблемы не интересовали. Из Ташкента верненские архиереи получали лишь ту информацию, которая касалась чисто церковных вопросов. Возможности епархиального руководства влиять на

положение дел в Туркестанском крае значительно сузились. Сложившееся положение повлияло и на внутриепархиальные структуры. «Благочинные» церковных округов, оставшихся в пределах Туркестанского генерал-губернаторства, решая многие вопросы, стали чаще обращаться не к «закордонному» архиерею, а к местной администрации, что весьма упрочило её влияние на церковные дела. Усилившиеся попытки епархиального руководства перебраться в Ташкент встречали скрытое сопротивление генерал-губернаторов, придерживавшихся в вопросе о местопребывании «кафедры» вышеприведённой точки зрения Кауфмана.

Положение мало изменилось и после того, как с 1898 г. Семиреченская область была вновь введена в состав Туркестанского края и епархиальные архиереи оказались снова на «своей» территории. Туркестанец А.И. Добромислов писал в 1912 г. о том, что «доброжелательно... к вопросу о перенесении епископской кафедры из Верного в Ташкент относился только один из бывших генерал-губернаторов Н.И. Иванов» [17, с. 319]. Он обратился 4 мая 1902 г. в Св. Синод с предложением учредить в Ташкенте архиепископство, а в Верном – викариатство [18, л. 71]. Св. Синод поддержал это предложение, и «Туркестанские ведомости» уверяли читателей в том, что «учреждение епископской кафедры в Ташкенте должно считаться одним из главных оснований русской духовной силы в наших среднеазиатских владениях» [19]. Однако военный министр А.Н. Куропаткин отклонил предложение туркестанского генерал-губернатора, указав, что в переносе «кафедры» из Верного в Ташкент нет никакой государственной необходимости [4]. В последующем вопрос о переезде архиерея в краевой центр поднимался ещё несколько раз, но он так и не был решён вплоть до 1917 года.

На проблему переноса архиерейской «кафедры» из Верного в Ташкент накладывали значительный отпечаток личные отношения между туркестанскими епископами и генерал-губернаторами. Кауфман демонстративно не вышел встречать прибывшего в Ташкент первого епархиального архиерея Софония, а пригласил последнего к себе лишь для краткой беседы, которая, по свидетельству Н.П. Остроумова, «была

не особенно дружественная». В свою очередь, Софоний отказался принять прибывшего в Верный Кауфмана, выслав сказать тому, что он «принимает ванну». «Первоустроитель» запретил называть епископа «владыкой», давая понять, кто являлся на самом деле подлинным хозяином в Туркестанском крае. Отношение Кауфмана к Софонию не было, видимо, следствием личной неприязни, так как он столь же демонстративно не вышел встречать и второго епархиального архиерея – Александра. Можно утверждать, что таким образом Кауфман сразу указывал епископам на то «место», которое они должны были занимать во властных структурах края.

Н.П. Остроумов свидетельствовал о том, что Кауфман не раз подчёркивал то обстоятельство, что «по своему положению в Туркестанском крае он бывает иногда вынужден решать и архиерейские дела и при этом прибавлял, что он «не без ума меч носит» [20, с. 88]. Весьма обострёнными были отношения между генерал-губернатором А.Б. Вревским и туркестанским епископом Григорием, который в 1893 г., во время торжественного обеда, в резких выражениях отозвался о порочных нравах туркестанской администрации. Вревский тут же подал рапорт военному министру, предлагая потребовать от Св. Синода отозвать «зарвавшегося» архиерея из Туркестана. 25 июня 1893 г. военный министр направил соответствующее представление в Св. Синод. Однако могущественный «временщик» – обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев – не поспешил удовлетворить жалобу военного ведомства. 5 июля 1893 г. он уведомил Ванновского о том, что сделал «конфиденциально» необходимые замечания туркестанскому архиерею, и подчёркивал, не без ехидства, что поведение последнего «в данном случае объясняется отчасти и новостью его положения с непривычностью к обращению в азиатской среде» [21, л. 2 об.]. Под «азиатской средой» лукавый царедворец, вне всякого сомнения, имел в виду известные нравы «господ-ташкентцев». В течение ещё двух лет всесильный обер-прокурор Св. Синода намеренно «придерживал» епископа Григория в Туркестане, вынуждая генерал-губернатора мириться с присутствием фрондирующего архиерея в крае, и только в 1895 г. Св.

Синод отозвал Григория из Средней Азии, однако Победоносцев подчёркнуто перевёл его «с повышением» – на архиерейскую должность во вновь образованную, самостоятельную Омскую епархию.

Безусловно, нет оснований преувеличивать остроту отношений между всеми туркестанскими генерал-губернаторами и епархиальными архиереями. В большинстве случаев их взаимоотношения с формальной точки зрения были безупречными – вежливыми, корректными, терпимыми и т. п., но на «личном» уровне почти всегда прохладными. Тем не менее обе стороны всегда понимали, что они являются важнейшими звеньями единой государственной системы и призваны поддерживать друг друга в общем для них деле. Любые публичные выпады против епархиального руководства пресекались туркестанской администрацией.

Так, в феврале 1910 г. газета «Закаспийское обозрение» опубликовала статью «Всё по-военному», в которой высмеивала туркестанского епископа Димитрия, руководившего епархиальными делами путём грубого нажима на священнослужителей и издания устрашающих циркуляров [22]. Через три дня, 16 февраля 1910 г., начальник Закаспийской области генерал-лейтенант М.Д. Евреинов издал приказ, предписавший «за помещение статьи... намеренно представляющей в ложном освещении действия Преосвященного епископа Туркестанского и Ташкентского» подвергнуть редактора газеты штрафу на сумму 300 руб. [23, л. 5]. В свою очередь, в апреле 1911 г. епископ Димитрий предписал всем «благочинным» церковных округов оказывать повсеместно туркестанскому генерал-губернатору торжественные встречи на уровне «Высочайших Особ» на том основании, что он «как Начальник края в Туркестане является как бы Наместником Его Императорского Величества» [24, л. 37–39 об.].

Таким образом, внешне отношения между двумя «ветвями» власти в Туркестане – светской и духовной – выглядели достаточно удовлетворительно. Однако сенатор-ревизор Туркестанского края К.К. Пален характеризовал их как «весьма слабые» [25, с. 192]. И он был прав, так как нельзя было не видеть, что за формально

«любезными» отношениями между светскими и «духовными» властями края скрывалось отсутствие единства и согласованности действий в работе с русским населением. Туркестанская администрация рассматривала церковь как данность, с которой нужно мириться, но необязательно с ней считаться. Такие отношения между светскими властями и церковью не были сугубо туркестанским явлением. Они были отражением общегосударственных таковых. О них писал С.Ю. Витте в своей «записке» императору: «О современном положении церкви» [26, с. 360]. А.С. Аксаков печалился о том, что «на месте идеала церкви очутился идеал государственный».

Слабость позиций Православной церкви во властных структурах Туркестана во многом определялась личными качествами епархиальных архиереев, большинство из которых были людьми малоавторитетными в церковных кругах, рекрутируемыми в основном из числа так называемых «викарных» епископов центральных епархий России. Св. Синод также придавал им мало значения. Когда по его вызову летом 1911 г. туркестанский епископ Димитрий выехал в Петербург, газета «Закаспийское обозрение» подчёркивала, что «за всё время существования Туркестанской епархии – это первый случай вызова туркестанского епископа для участия в занятиях Синода» [27]. Личное поведение архиереев нередко было тоже безупречным. Епископ Паисий был широко известен в крае своими скандальными конфликтами с туркестанским духовенством. Епископ Димитрий в 1910 г., после кончины в Ташкенте известной русской актрисы В.Ф. Комиссаржевской, запретил отпевать её, чем вызвал возмущение не только простой общественности, но и многих видных деятелей краевой администрации. Газета «Туркестанские ведомости» открыто осудила поступок архиерея, подчеркнув «нерусское происхождение» бывшего грузинского князя Давида Абашидзе [28].

Редкие контакты с «рядовой» паствой также мало способствовали росту авторитета туркестанских епископов среди православного населения Средней Азии. В 1896 г. Ташкентская городская дума долгое время отказывалась выделить участок под строительство архиерейского

дома в связи с предполагавшимся переносом епископской «кафедры» в краевой центр. Участок был выделен только под нажимом высшей власти, однако тогда, когда вопрос о переезде епископа в Ташкент практически отпал. Журнал «Среднеазиатский вестник» подчёркивал, что против выделения участка выступали «гласные не из числа мусульман, католиков и лютеран, а из числа чисто русских людей» [29, с. 101]. (курсив наш. – П.Л.).

Более того, в 1901 г. Ташкентская дума приняла решение об изъятии участка у епархии. Протесты туркестанского епископа Аркадия не возымели действия. Участок в городе так и не был возвращён. Взамен Дума предоставила епархии земельное владение за городской чертой – в 5 км от Ташкента, что было расценено архиереем как оскорбление. Протоиерей М. Колобов указывал, что и на этот раз «постарались» депутаты Ташкентской думы из числа православных [4]. В 1911 г. отказалась выделить участок для строительства архиерейских служб Верненская городская дума. И в этом случае сыграла свою роль позиция православных «гласных» Думы, потребовавших от епархиального руководства оплаты предоставляемых земель по существующим расценкам. Потребовались проведение нескольких заседаний и вмешательство Семиреченского губернатора М.А. Фольбаума с тем, чтобы Дума приняла решение о выделении епархии бесплатного участка [30, л. 18–45 об.].

Характерно, что позиция Верненской думы по отношению к епархиальному руководству не вызвала заметного возмущения среди населения города, большинство которого составляли православные. Таким образом, сказывалось общее снижение уровня религиозности населения не только в предреволюционной России, но и на её окраинах, признанное не только «воинствующими материалистами», но и многими видными правительственными деятелями того времени.

Вышеприведённое свидетельствует о том, что учение Русской православной церкви считалось «господствующей верой» в царском государстве, она защищалась законодательством. Вместе с тем церковь была полностью подчинена светской власти. Это нашло своё отражение и в российских областях дореволюционной

Средней Азии. Туркестанская епархия была учреждена на 5 лет позже регионального генерал-губернаторства. Отношения военной администрации края с епархиальным руководством были сложными не только на официальном, но и на личном уровне. Военное духовенство подчинялось своему руководству и лишь отчасти епархиальному. Военное министерство подчинило часть туркестанских церковных приходов, однако из-за отсутствия средств на их содержание вскоре вернуло епархии. Туркестанские власти сопротивлялись переезду архиерейской «кафедры» в Ташкент и не допустили его, вплоть до краха царизма. Автор приходит к выводу о том, что государственно-церковные отношения в Туркестане не были особенностью этого региона, а отражали общеимперское их состояние.

Поступила: 25.04.2025;

рецензирована: 12.05.2025; принята: 14.05.2025.

Литература

1. Туркестанские ведомости. 1870. № 9. 30 августа.
2. Туркестанские епархиальные ведомости. 1907. № 22. 15 ноября.
3. ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 20. Д. 124.
4. Туркестанские епархиальные ведомости. 1907. № 12. 15 июня.
5. ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6464.
6. 6. ПСЗРИ-2. Т. 46. Отд. 1. СПб., 1874. № 49558.
7. ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19363.
8. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 502.
9. Церковно-общественный вестник. 1874. № 132. 15 ноября.
10. ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6924.
11. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2307.
12. Всеподданнейший отчёт Обер-прокурора Святейшего Синода за 1900 год. СПб. 1903.
13. Туркестанские епархиальные ведомости. 1907. № 6. 15 марта.
14. Туркестанские епархиальные ведомости. 1907. № 16. 15 августа.
15. ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 16256.
16. Колокол. 1911. № 1571. 25 июня.
17. *Добромыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем. / А.И. Добромыслов. Ташкент, 1912.
18. ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 5. Д. 867.
19. Туркестанские ведомости. 1902. № 72. 9 сентября.
20. *Остроумов Н.П.* Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края / Н.П. Остроумов. Ташкент, 1899.
21. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1645.
22. Закаспийское обозрение. 1910. № 35. 13 февраля.
23. ЦГА Тур. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16035.
24. ЦГА Кыр. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3.
25. *Пален.* Отчёт по ревизии Туркестанского края. Краевое управление / Пален. СПб, 1910.
26. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2 / С.Ю. Витте. М., 1960.
27. Закаспийское обозрение. 1911. № 119. 5 июня.
28. Туркестанские ведомости. 1910. № 47. 2 марта.
29. Среднеазиатский вестник. Ташкент, 1896. Октябрь.
30. ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 51840.